

Жун Тин был упрямым ребенком. Когда он упирался, требуя возвращения домой, он был настойчивее быка. Сун Хайпин подумал, что ему нездоровится, поэтому он позаимствовал термометр на стойке регистрации. Температура оказалась нормальной, но, поскольку он не мог переубедить ребенка, он мог только собрать их вещи, выписаться из номера и подготовиться к возвращению домой.

Жун Тин сидел на заднем сиденье с выражением «не хочу ни с кем разговаривать».

Сун Хайпин беспомощно завел машину, ругая его.

— Должно быть, я был должен тебе и твоей маме в прошлой жизни, и теперь ты здесь, чтобы забрать долг. Мы добирались сюда два часа и успели лишь понежиться в горячем источнике, а ты уже суетишься по поводу возвращения домой. Что с тобой не так, ах, что с тобой не так. Я готов выслушать, что ты ты на это скажешь!

Жун Тин не собирался разговаривать. Он только смотрел в окно машины, его крошечная рука все еще была сжата. Казалось, он на кого-то злился.

Он не часто злился; большую часть времени он был просто раздражен. Это был первый раз, когда выражение его лица было таким мрачным. Сун Хайпин хотел знать, что с ним не так, но мальчик отказывался объясниться. Это была настоящая головная боль.

— Забудь об этом, я не буду с тобой разговаривать. Мы пойдем домой, и твоя мама разберется с тобой.

Жун Тин фыркнул и раздраженно покачал головой, пытаясь избавиться от мыслей о сцене, которую он видел сегодня.

Жун Хэн не заметил Жун Тина. Он ел без особого энтузиазма, но как мужчина он не мог не посмотреть в лицо молодой женщине, у которой не было к нему претензий. Хорошей новостью стало то, что теперь он вел себя как немой, и ему не нужно было отвечать. Если он хотел слушать, он мог слушать, в противном случае он мог просто не обращать внимания на разговор.

Юй Яи также испытывала отвращение к свиданиям вслепую. Она выросла за границей и не соглашалась со своей семьей, убеждавшей её выйти замуж, но последовала за своим отцом. Когда она увидела Жун Тина, у неё немного изменилось мнение.

Конечно, она не захотела сразу завести отношения, а затем выйти замуж... это было слишком хлопотно.

Её отец постоянно пытался убедить её, говоря о том, каким замечательным партнером он бы стал и что его можно считать номером один среди второго поколения богатых людей города Б.

Пока она будет замужем за ним, она могла бы принести столько пользы компании и семье.

Как скучно.

Ужин с красивым мужчиной такого уровня уже можно назвать восхитительным удовольствием для неё.

Что касается других вещей, их можно отложить. Она не хотела так много думать об этом.

— Господин Се, ваши волосы окрашены? Это очень круто. Я тоже хочу покрасить волосы в белый цвет, но мои мама и папа не совсем согласны с этим. На самом деле я думаю, что чёрные волосы смотрелись бы лучше.

— Господин Се, какого вы роста, а? Должно быть, метр восемьдесят? У моего отца такой рост, но вы выглядите выше его. Может быть, это потому, что у вас нет пивного живота?

Юй Яи ела вместе с Жун Хэном. Хотя она знала, что собеседник не может говорить сейчас из-за психологических проблем, она не могла не чувствовать сожаления.

Ей не нравились идея временного покровителя, и она не была мазохисткой, которая занимается благотворительностью*, но, видя, что он хорош собой, она была готова быть терпеливой.

П.р.: □□ - терять деньги вместо того, чтобы получать их. Также означает «содержать мужчину».

Казалось, что она его не интересовала. Нет, с момента их встречи и до сих пор он ни разу не взглянул на неё!

Ей не нравился этот слепой мужчина, который не мог оценить её красоту.

— Господин Се, у вас уже есть девушка? — с любопытством спросил Юй Яи.

Жун Хэн поднял голову, чтобы взглянуть на неё - это была его первая реакция за сегодня.

Юй Яи преувеличенно прикрыла рот.

— Вы слышали меня!

— Но у вас есть девушка, и вы всё равно пришли на свидание вслепую, это так мерзко! — Юй Яи подпёрла щеку одной рукой. — Ваша девушка не будет счастлива, если узнает. В любом случае, если бы мой парень пошёл на свидание вслепую с другой женщиной, я бы, вероятно,

порвала с ним. Не волнуйтесь, конечно, я ничего не скажу.

Изначально Юй Яи не проявляла к нему особого интереса, но, услышав, что у него есть девушка, она вообще перестала интересоваться им.

У нее не было такого грубого вкуса, чтобы интересоваться чужими мужчинами и похищать их.

— Тогда я уйду первой. Вам не нужно платить; менеджер знает, кто я, и должен был проинструктировать официанта, — Юй Яи подняла свою сумку и ещё раз посмотрела на него.
— Пока, пока! Я помогу сохранить ваш секрет, но я скажу своему отцу, что вы мне не понравились. Это плата, о которой я прошу. Вы не возражаете?

Жун Хэн не смотрел на неё. Он опустил голову и продолжил есть.

Скучно. Юй Яи счастливо покинула ресторан на своих высоких каблуках.

Весь обслуживающий персонал в ресторане многозначительно переглядывался. Жун Хэн поднял руку и поманил официанта, и тот быстро шагнул вперёд.

Жун Хэн пролистал меню и указал на торт в разделе десертов, давая понять, что хочет его.

Официант увидел, что он закончил есть, а молодая госпожа ушла, поэтому он осторожно спросил:

— Это будет для себя или на вынос?

— С собой.

Жун Хэн не любил жестикулировать перед людьми. Это выглядело глупо.

Он не любил сладости. Просто, когда он только что просматривал меню, он случайно увидел это песочное печенье. Он вспомнил тот год, когда она была беременна. Другие говорили: «Если женщина есть кислое, то будет мальчик, если острое – девочка». Но она любила сладости. Однажды он попросил евнуха не говорить о нём и тихо подошел к воротам дворца, тогда он услышал, как она закатила истерику и пожаловалась служанке рядом с ней:

— Почему здесь нет торта, я хочу съесть торт, ах! Я схожу с ума из-за этого!

Горничная спросила её, что такое торт.

Она описала это так:

— Торт очень сладкий, на нем слой крема. Он очень мягкий. Кроме того, поверх крема можно положить немного красного джема, это очень вкусно. Я действительно хочу это съесть, ах, это так сладко и вкусно. Я не знаю всех вещей, из которых сделан торт. Я знаю только, что туда добавляют яйца и муку...

Позже он попросил поваров на императорской кухне приготовить торт, о котором она говорила. Возможно, потому, что результат был не очень удачным, она не была счастлива.

В этот момент он посмотрел на изображение в меню, которое, казалось, напоминало её описание. Сначала он хотел взять один, но, вспомнив, что Жун Тин всё ещё дома, он сказал:

— Я возьму два.

— Хорошо.

Сун Юйань играла в игру, когда услышала, как открылась дверь. Она вышла из комнаты и увидела вернувшихся Жун Тина и Сун Хайпина. Удивленная, она спросила:

— Разве вы не остались на ночь на курорте? Почему ты снова вернулся? Вы вернулись после купания?

Сун Хайпин разозлился при упоминании этой темы. Он беспомощно указал на Жун Тина и сказал:

— Твой сын, ах, это просто мучение. Он безо всякой причины хотел вернуться. Я пытался поговорить с ним, но он отказался слушать. Взгляни и проверь, чувствует ли он себя плохо. По крайней мере, у него нет кашля или температуры.

Сун Юйань присела на корточки и проверила его лоб рукой.

— Никакой лихорадки и правда нет, ах. Это потому, что ты впервые был на горячем источнике и не привык к такому?

— Кто знает, — сказал Сун Хайпин. — По дороге сюда я спросил своего знакомого врача, и он сказал, что проблем нет и он может просто отдохнуть. Но сегодня вечером нам придется быть начеку на случай, если у него поднимется температура.

— Маленькие дети, похоже, не очень хорошо справляются с горячими источниками, — Сун Юйань всё ещё переживала из-за Жун Тина и потянула его к дивану. — Ты хочешь пить? Может быть, воды?

Жун Тин покачал головой.

— Императрица-мать, я не хочу пить.

Его тон звучал неубедительно, и он был не таким радостным, как обычно.

— Эй, у меня появились кое-какие дела, и мне нужно уехать. Я могу не вернуться домой к вечеру. Не забудьте запереть двери и окна, — Сун Хайпин не переобулся в тапочки и уже был готов уйти. Перед самым отъездом он не забыл обратиться к Жун Тину: — Ты такой молчаливый. То, что ты не хочешь рассказывать мне, всегда будь готов рассказать своей маме. В этом году тебе исполняется шесть лет. Не позволяй своей маме волноваться, понял?

— Да, — угрюмо ответил Жун Тин.

Когда Сун Хайпин ушёл, Сун Юйань не могла успокоиться, поэтому она достала термометр и измерила его температуру. У него действительно не было температуры.

— Гугу, что случилось? Что-то не так?

Жун Тин покачал головой, а затем кивнул.

— Императрица-мать, есть кое-что, чего я не понимаю. Я расскажу тебе, когда разберусь с этим.

Он не стал бы скрывать это от императрицы-матери. Если бы он это сделал, императрица-мать почувствовала себя слишком несчастной. Он сказал, он пообещал ей, что даже если он солжет всем людям под небесами, он не будет лгать императрице-матери. Просто он хотел разобраться, и ему нужно было время.

Сун Юйань была удивлена, увидев его серьезный и хмурый взгляд. Она кивнула, смеясь:

— Хорошо, мама всегда будет твоим самым преданным слушателем.

Жун Тин пребывал в действительно плохом настроении. Он опустил голову.

— Императрица-мать, я хочу немного попрактиковаться в каллиграфии.

— Разве тебе не плохо? Почему бы тебе не взять выходной сегодня и не потренироваться завтра?

— Я хочу попрактиковаться сегодня.

Сун Юйань могла только сдаться.

— Хорошо, но только ненадолго.

Её сын был таким дисциплинированным. Иногда она чувствовала, что он не был ребенком. Если бы она была такой добросовестной и прилежной, когда была маленькой, она, вероятно, была бы отличницей.

Хотя она не была отличницей, её сын был. Подводя итог, она тоже была хорошее ученицей.

Жун Тин подошёл к столу, на котором лежали кисти, чернила и бумага. Он взял кисть...

В настоящее время его разум был в беспорядке. Он не знал, что правильно, а что неправильно.

Было ли всё, что делал отец-император, обязательно правильным?

Разве отец-император никогда не совершал ошибок?

Зачем императрице-матери выходить замуж за императора-отца? Почему императрица-мать ушла?

Было слишком много вещей, которые он не мог понять. Он не мог притворяться наивным.

Он внезапно вспомнил болезненные и сдавленные рыдания учителя Хелен, а также обручальное кольцо, которое она сняла.

Он закрыл глаза и сказал про себя:

«Жун Тин, ты можешь принять правильное решение, и ты можешь отличить правильное от неправильного, пока ты этого хочешь».

Жун Тин глубоко вздохнул и написал два больших иероглифа на бумаге перед ним.

«Спокойствие!»

«Размышление!»

<http://tl.rulate.ru/book/32429/2458298>